

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

ЧЕЛОВЕК, ПСИХИКА И ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

Г. И. ИВАНИН
(Москва)

Дискуссия о предмете психологии, раз-
вернувшаяся на страницах журнала «Вопросы
психологии», является весьма своевременной.
В настоящее время советская психология дости-
гла такого уровня, когда необходимо под-
вести итоги многочисленным эксперименталь-
но-теоретическим исследованиям и, образно
говоря, посмотреть, какое же здание создано
усилиями многих ученых разных школ и нап-
равлений.

Прежде чем остановиться на суждениях
о предмете психологии, высказанных уже
выступившими участниками дискуссии, из-
ложим свое понимание обсуждаемой проб-
лемы. Оговоримся при этом, что мы сознательно
используем общеизвестные положения, от-
дельные из которых может быть стали уже
тривиальными, чтобы указать на их опреде-
ленный «удельный вес» в общем подходе к
существованию вопроса.

С общеметодологической точки зрения, лю-
бая наука имеет свой объект и предмет ис-
следования, что, очевидно, не является исклю-
чением и для психологии.

Объект науки — это часть объективной ре-
альности, которая подлежит исследованию
наличными методами и средствами данной
научной дисциплины [13; 22—26].

Предмет науки есть то, что изучается ею
в объекте как части объективной реальности.
Это — законы, закономерности, механизмы
явлений, принципы их исследования и т. д.,
которые составляют цель и сущность вся-
кого научного знания [16; 33—42].

Предмет исследования определяется осо-
бенностями объекта, а также состоянием и
уровнем, достигнутым конкретной наукой,
ее методами и средствами познания, сложив-
шимися теоретическими концепциями, ги-
потезами и т. д. [15; 191—194].

Какая же часть объективной реальности
составляет объект психологической науки?
Объектом психологии надо считать человека,
конкретных индивидов как носителей психики
[3; 320].

Данный объект науки чрезвычайно специ-
фичен. Дело, во-первых, в том, что человек —
сложнейшая живая система, в которой про-
текают разнообразные материальные про-
цессы биохимического, биофизического, фи-
зиологического, биологического и т. п. ха-
рактера. С этой стороны человек характери-
зуется как организм. Во-вторых, человек

обладает уникальным свойством — он имеет
психику, ее высшие формы — сознание и
самосознание. И, в-третьих, люди являются
субъектами социальных отношений, ибо вне
человека, помимо человека ничего социаль-
ного не существует. С последних двух сторон
человек выступает как личность.

«История», — пишет Ф. Энгельс, — не де-
лает ничего, она «не обладает никаким необъ-
ятным богатством», она «не сражается ни в
каких битвах». Не «история», а именно че-
ловек, действительный, живой человек —
вот кто делает все это, всем обладает и за все
борется. «История» не есть какая-то особая
личность, которая пользуется человеком как
средством для достижения своих целей. Ис-
тория — не что иное, как деятельность прес-
ледующего свои цели человека» [1; 102].

Человек, следовательно, материальный ор-
ганизм, обладающий особым свойством —
психикой, и в связи с этим он — субъект
социальных отношений. Между материальным
психологическим и социальным в человеке
существует диалектическая связь. Всякие бо-
лее или менее существенные нарушения в
человеческом организме ведут и к наруше-
ниям в его психике. Человек же с «разрушен-
ной» психикой теряет способность быть суб-
ъектом социальных отношений, он уже не мо-
жет творить историю.

Отмеченное своеобразие человека как объ-
екта психологии делает его общим объектом
многих наук. Фактически человек изучается
всеми философскими, общественными и мно-
гими естественными науками. Отсюда и бо-
гатство междисциплинарных связей психо-
логии с различными научными дисциплинами.

Однако наличие общего объекта для мно-
гих наук не означает общности их предмета.
Каждая наука выделяет в человеке как объ-
екте исследования лишь определенные сто-
роны и изучает их закономерности и механиз-
мы. Логика, например, исследует законы
правильного мышления; педагогика изучает
закономерности, методы и средства обучения
и воспитания людей; физиология — меха-
низмы жизнедеятельности органов и тканей
человеческого тела и т. д.

Предметом психологии следует считать за-
кономерности и механизмы психики людей
[3; 330], т. е. того особого свойства их, ко-
торое составляет одну из сторон общего с
другими науками объекта и которое не изу-

чается никакими иными научными дисциплинами¹.

Человеческая психика — закономерный результат эволюционного развития живых существ. Раздражимость, условные и безусловные рефлексы, инстинкты, зачатки психики у животных — все это специфические инструменты жизнедеятельности организмов, направленные на приспособление и выживание в окружающей среде, все это естественные предпосылки возникновения человеческой психики.

С появлением речи и началом трудовой деятельности психика людей качественно преобразуется и приобретает социальный характер. Об этом свидетельствуют такие известные факты, как наличие фонематического слуха, так называемого «пространственного эффекта» в зрительных восприятиях, «речевое мышление» человека, социально-типичные черты, свойственные людям и т. д. В условиях современной научно-технической революции социальная природа психики наглядно проявляется в уникальном явлении — акселерации психического и физического развития людей, которая приобретает глобальный характер и последствия которой трудно предвидеть.

Психика человека не есть особая субстанция или самостоятельный феномен; в сущности, она продукт материального, идеальное свойство человеческого мозга, на что неоднократно указывали классики марксизма-ленинизма. Это означает, что никакой психической реальности, как таковой, не существует, но есть реальность человека, обладающего особым свойством — психикой. Даже так называемые коллективные мнения, настроения, воля, заблуждения и т. д. возникают только через посредство конкретных индивидов, поскольку никакой «коллективной головы», способной думать и чувствовать, в природе нет. Только отчуждаясь, закрепляясь в материальных продуктах (книгах, газетах и т. п.), коллективные мысли и переживания получают относительную самостоятельность, но их обратное воздействие также возможно лишь на конкретных людей. В этом заключается глубокое обоснование необходимости личностного подхода как одного из важнейших принципов психологии [10; 190—212].

Как уже подчеркивалось, психика — особое идеальное свойство материального субстрата — человеческого мозга. Эта особенность психики состоит в том, что она выполняет две основные функции — отражения реальной действительности (природной и социальной среды) и регуляции человеческого поведения и деятельности. При этом отражение — не самоцель; оно необходимо лишь постольку, поскольку является условием реализации регулирующей функции психики [14; 265].

¹ Это справедливо и в отношении эволюционной психологии, за исключением того, что объектом ее выступают животные разного уровня биологической организации.

В связи с этим можно сказать, что психика людей — основной способ и инструмент их социальной жизнедеятельности. В понятие «социальной жизнедеятельности» вкладывается следующий смысл: во-первых, — это обеспечение нормального функционирования организма, и, во-вторых, — сохранение целостности человеческой личности, предупреждение ее дезинтеграции.

Социальное и психологическое нельзя рассматривать как два ряда самостоятельных явлений, существующих якобы параллельно. Психика социальна, поскольку человек, обладающий ею, есть общественное существо. В свою очередь, социальные явления в той или иной мере всегда «психологизированы», ибо любые отношения «экономические, политические, идеологические, бытовые и т. п.» не являются мертвыми, безличностными, а имеют свою «психологическую форму», т. е. сопровождаются соответствующими психическими явлениями [9; 54; 188].

Важно подчеркнуть, что психика формируется и развивается только в процессе деятельности, которая понимается как единство отражательно-побудительной и исполнительской сторон. Значение этого известного фундаментального положения не всегда оценивается в должной мере. А между тем многочисленные экспериментальные факты свидетельствуют о том, что запоминание, например, не является результатом простого запечатления, а продуктом деятельности человека; зрительный образ не есть обычное созерцание предмета, а результат движения глаз, прослеживающих его видимый контур; осязательный образ — это продукт движения руки, осязающей предмет; речевой (мыслительный) образ — результат движения гортани, воспроизводящей слышимый звук, и т. д.

Следовательно, движения, действия, поступки, в которых реализуются отражательная и регулирующая функции психики, являются действительными причинами становления и развития основных видов психических явлений — процессов, состояний и свойств личности. Такой подход к психике людей соответствует принципу деятельности сущности человека, который в настоящее время утвердился в советской философии [5; 79—108].

Источником человеческой деятельности являются потребности, совместное удовлетворение которых людьми было первым историческим актом (К. Маркс).

К. Маркс и Ф. Энгельс указывали: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа потребности» [2; 245]. Именно необходимость удовлетворения естественных, а затем и общественных потребностей породила способность человека к деятельности, в процессе которой на основе естественных предпосылок сформировалось и продолжает совершенствоваться особое и идеальное свойство — психика, сознание и самосознание людей.

Таким образом, объектом психологии, по нашему мнению, являются люди как часть

материальной действительности; предмет же ее составляют закономерности и механизмы психики людей. При этом, психика рассматривается не как самостоятельная субстанция, а как идеальное свойство конкретных индивидов, возникающее в процессе деятельности и направленное на удовлетворение их потребностей. Именно в этом отношении психику можно понимать как способ, инструмент и результат социальной жизнедеятельности человека.

Если психология пока еще не может в полном объеме ответить на вопросы о том, как и по каким законам и механизмам формируется психика, в чем сущность ее как идеального свойства мозга, какова ее действительная личностная обусловленность, то это не является поводом для отрицания объекта и предмета науки в изложенном понимании, а свидетельствует лишь о ее слабости.

Участники дискуссии иначе подходят к определению объекта и предмета психологии, а также к другим ее теоретическим и методологическим проблемам.

Ф. В. Бассин не разграничивает, а, наоборот, отождествляет объект и предмет психологии. Предмет науки он видит в тех «Предметах» (т. е. объектах), которые должны изучаться психологией [4; 102]. Поскольку «предметы» (объекты) исследования весьма изменчивы, выдвигается требование определять предмет науки не «на все времена», а на основе принципа историзма с учетом «общей проблемной ситуации» и «кардинальных задач, выдвигаемых этой ситуацией» [4; 102—103].

Историческая ситуация и практические задачи, конечно, значительно влияют на стратегию и тактику научного поиска, но всякий ли раз они изменяют предметы наук? Разве такие классические науки, как математика, физика, химия, биология и т. д., находящиеся под мощным влиянием ситуации и задач, часто меняют свой предмет в зависимости от них? С прогрессом науки, под воздействием ситуации и практических задач происходит уточнение и дифференциация объекта и предмета науки, но не их постоянное изменение.

Что касается возникновения таких новых научных дисциплин, как гистохимия, биофизика, биохимия, радиоастрономия, психолингвистика и т. д., то они являются результатом не радикального изменения «предметов» исследования, а продуктом взаимодействия наук. Примером такого взаимодействия служит воздействие одной из наук на традиционный объект другой науки, что убедительно показал Г. М. Добров [6; 92—96].

Предметом психологии Ф. В. Бассин называет неформализуемые «значимые» переживания. Все же психические явления, которые поддаются формализации, выносятся им за пределы психологической науки. Автор пишет: «положение неформализуемого, как объекта познания, который остается в ведении только психологии, составляет тем самым ее предмет» [4; 105].

Несколько выше Ф. В. Бассин указывает, что неформализуемые психические проявления остаются таковыми лишь пока, на сегодняшний день. Словом «пока», видимо, подчер-

кивается принципиальная возможность и их формализации. Если это так, то психологию надо признать исторически обреченной наукой, поскольку с формализацией неформализуемых психических проявлений исчезнет «предмет» науки и она станет ненужной. Не может же существовать психология только для «интерпретации» формализованных связей!

Говоря о неформализуемых «значимых» переживаниях, Ф. В. Бассин совершенно справедливо отмечает, что они всегда включены в определенную ситуацию, в «систему конкретных психологических отношений, в их естественный «контекст». Но в таком случае исследование «значимых» переживаний в рамках психологии становится принципиально невозможным, так как и сами ситуации, и процесс их отражения, осмысливания субъектом формализуемы и, следовательно, выходят за рамки предмета психологической науки. Это и свидетельствует о том, что ограничивать предмет психологии только «значимыми» переживаниями невозможно, на что правильно указывает Б. В. Зейгарник [8; 140—141].

Вместе с этим надо подчеркнуть, что проблема «значимых» переживаний является одной из центральных в психологии. Ф. В. Бассин правильно указывает на попытки многих исследователей решить проблемы «непосредственных» и «ситуационно-опосредствованных» значений (А. Пенроуз), «значений» и «смыслов» (А. Н. Леонтьев, Г. Фреге) и т. д.

Исследования, проведенные автором настоящей статьи по так называемой методике «активирующих побуждений» (пока еще не опубликованные), показывают, что на базе сложного взаимодействия объективных значений и субъективных (личностных) смыслов формируются разные уровни мотивации и соответствующие им формы человеческого поведения — от сознательно-волевого до конформно-волевого. Результаты исследования достаточно репрезентативны и свидетельствуют о том, что «значимые» переживания являются феноменом целостной личности как субъекта социальных отношений. Они убеждают также в глубокой правоте Ф. В. Бассина о необходимости разработки специальных методов исследования «значимых» переживаний.

М. Г. Ярошевский объектом психологии считает психические явления — процессы, свойства, состояния и т. д., поскольку они образуют психическую реальность [17; 110]. Психические явления действительно представляют собой реальность, но она не самостоятельная субстанция, а свойство человека. Реально существуют не процессы, состояния и свойства как таковые, а человек, люди, обладающие названными психологическими функциями.

Правоммерно ли брать в качестве объекта психологии сами по себе психические явления? Почему объектом психологии является свойство индивида (психика), а не сам индивид, обладающий этим свойством? На приведет ли такой подход к фактическому признанию субстанциональности психики?

Психическая реальность — это, разумеется, научная абстракция, гносеологический смысл которой должен быть ограничен при

знанием того, что реально существует лишь человек, обладающий особым свойством — психикой. Признание психики как существующей самостоятельно, вне человека, неизбежно ведет к субстанционализму со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Сказанное выше не следует понимать в том смысле, что это обвинение М. Г. Ярошевского в субстанциональном подходе к человеческой психике. Об этом говорится лишь для того, чтобы предупредить неверные выводы из взятой им посылки.

Вызывает возражение определение М. Г. Ярошевским предмета психологии, на что справедливо указывает Я. А. Пономарев [11; 131].

В качестве предмета психологии М. Г. Ярошевский выделяет категориальный аппарат науки, который направлен на изучение существенных признаков психической реальности [17; 112]. Категории, безусловно, имеют огромное значение в исследовании объекта и предмета науки, но едва ли они составляют собственно предмет научной дисциплины. Категории скорее средства, инструменты познания, которые складываются и совершенствуются по мере экспериментально-теоретических исследований объекта, выявления закономерностей и механизмов изучаемых явлений. В категориях фиксируются также результаты исследования, и таким путем складывается фонд наличных знаний науки.

В конце статьи М. Г. Ярошевский говорит о «приращении» предмета психологии, которое выражается в расширении проблематики психологических исследований за счет широкого междисциплинарного взаимодействия ее с другими науками [17; 117]. Но здесь автор допускает явное логическое противоречие. Если предмет психологии — категориальный аппарат, то «приращение» предмета должно идти за счет увеличения числа или повышения уровня абстракции категорий, но не путем расширения проблематики психологических исследований.

Я. А. Пономарев не рассматривает вопрос об объекте психологии; предмет же ее определяет как «формы и закономерности сигнальной связи — взаимодействия субъекта с объектом» [11; 137].

Такое понимание предмета психологии вытекает из содержания концепции, которую разрабатывает Я. А. Пономарев и которая подробно изложена им ранее [12].

Совершенно очевидно, что взаимодействие субъекта с объектом имеет весьма существенное значение в становлении и развитии человеческой психики, ее отражательной и регулирующей функций. Но является ли психика только продуктом подобного взаимодействия?

Субъект — это конкретный индивид, поэтому его психика формируется не только в результате взаимодействия с объектом, но и под определенным влиянием наследственных особенностей, естественных потребностей, задатков и т. п. Именно эти так называемые «внутренние условия» создают индивидуальную неповторимость человеческой психики, в известной степени они определяют и сам

характер взаимодействия субъекта с объектами.

Что касается выдвигаемого Я. А. Пономаревым принципа двуаспектности, согласно которому психика материальна в онтологическом смысле и идеальна в смысле гносеологическом, то, по-видимому, следует принять во внимание критические замечания Д. И. Дубровского, высказанные им по этому вопросу [7: 90—93; 190—193].

В принципе двуаспектности Я. А. Пономарев видит средство преодоления, снятия психофизической проблемы. Представляется, однако, что предлагаемый принцип может породить лишь еще один вариант решения этой проблемы. Своеобразие такого решения состоит в том, что поиск места идеального в ряду материальных явлений переносится в плоскость соотношения идеального и материального на онтологическом и гносеологическом уровнях.

По нашему мнению, решение психофизической проблемы надо искать именно в понимании психики как способа и инструмента социальной жизнедеятельности человека. Прямо и непосредственно человеческая психика не соотносится, не взаимодействует, не включается в цепь материальных явлений. Психика, если можно так сказать, отражает действительность для человека, регулирует деятельность и поведение человека и только таким путем, опосредствованно, включается в водоворот материальных явлений. В связи с этим отпадает необходимость искать место идеального в ряду материальных явлений; определенное место в них занимает сам человек как материальное существо; обладая особым свойством — психикой, человек через посредство ее приспосабливается к действительности, взаимодействует с ней и изменяет ее. В итоге смысл психофизической проблемы меняется: выяснять надо не то, каким образом идеальное включается в материальное взаимодействие, а то, как человек с помощью идеального (психики) взаимодействует с материальным миром.

По-видимому, в психологии все еще дает о себе знать субстанционалистское понимание психики, преодолеть которое можно путем скорейшего признания и реализации в научной практике личностного подхода и деятельности личности человека как основных принципов психологии.

Серьезного внимания заслуживает стремление Я. А. Пономарева использовать системно-структурный метод в психологии, который может дать интересные результаты. Однако надо подчеркнуть, что в этом направлении сделано пока еще очень мало, поэтому энергичный призыв к перестройке психологии на основе системно-структурных представлений, видимо, является преждевременным. К тому же, системно-структурный метод не может и не должен заменить собой традиционные методы исследования, используемые в психологии.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что объектом психологии целесообразно считать часть объективной реальности — людей; предметом ее — закономерности и механиз-

мы психики людей. Такой подход непосредственно открывает путь для признания личностного подхода и деятельностной сущности человека в качестве основных принципов психологии. Реализация этих принципов в экспери-

ментально-теоретических исследованиях устраняет непоследовательность, неопределенность, ограниченность, а то и ошибочность в решении фундаментальных проблем психологической науки.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3.
3. Абульханова-Славская К. А. Методологический аспект проблемы субъективного. Сб. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., «Наука», 1969.
4. Бассин Ф. В. Развитие взглядов на предмет психологии. «Вопросы психологии», 1971, № 5.
5. Батищев Г. С. Деятельностная сущность человека как философский принцип. Сб. «Проблема человека в современной философии». М., «Наука», 1969.
6. Добров Г. М. Наука о науке. Введение в общее науковедение, изд. II, Киев, «Наукова думка», 1970.
7. Дубровский Д. И. Психические явления и мозг. М., «Наука», 1971.
8. Зейгарник Б. В., Рубинштейн С. Я. Реплика по поводу статьи Ф. В. Бассина «О развитии взглядов на предмет психологии». «Вопросы психологии», 1971, № 6.
9. Парыгин Б. Д. Основы социально-психологической теории. М., «Мысль», 1971.
10. Платонов К. К. Личностный подход как принцип психологии. Сб. «Методологические и теоретические проблемы психологии». М., «Наука», 1969.
11. Пономарев Я. А. Психология и объективная реальность. «Вопросы психологии», 1971, № 6.
12. Пономарев Я. А. Знания, мышление и умственное развитие. М., «Просвещение», 1967.
13. Попов П., Виноградов В. Роль исходных гносеологических принципов в понимании предмета научного исследования. Сб. «Некоторые проблемы методологии научного исследования». М., «Международные отношения», 1968.
14. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., Изд-во АН СССР, 1957.
15. Садовский В. Н., Юдин Э. Г. О специфике методологического подхода к исследованию систем и структур. Сб. «Логика и методология науки». М., «Наука», 1967.
16. Сычева Л. Об основных этапах формирования предмета научного исследования. Сб. «Некоторые проблемы методологии научного исследования». М., «Международные отношения», 1968.
17. Ярошевский М. Г. Предмет психологии и ее категориальный строй. «Вопросы психологии», 1971, № 5.

